

М.М. Сафонов
(Санкт-Петербург)

**Новгород в книге Ж. Эно и И.Л. Шеншо
«Histoire philosophique et politique de la
Russie depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours»**

В 1828–1830 годах в Париже вышла из печати пятитомная «Философская и политическая история России с древнейших времен до наших дней»¹. Написали ее два французских автора Ж. Эно и И.Л. Шеншо. Точнее говоря, два первых тома были написаны Эно, и лишь начиная с третьего тома на титульном листе значились два автора: Эно и Шеншо.

Книга не случайно названа «философской и политической историей России». Очевидно, авторов интересовала не история Российской империи как таковая, а уроки, которые можно из нее извлечь. Другими словами, авторы этого сочинения взяли за перо для того, чтобы на исторических примерах преподать читателям философской и политический урок. Предисловие к публикации завершалось примечательной репликой о том, что читатели должны сделать определенные выводы из тех исторических фактов, которые автор представил в этой книге².

Когда в 1835 году сочинение Эно и Шеншо попало в руки декабриста М.А. Фонвизина, то он увидел в ней историческую иллюстрацию к известному афоризму дочери Ж. Неккера Жермены де Сталь: «C'est la liberté qui est ancienne et le despotism qui est moderne», то есть: «Нов деспотизма, а не свобода»³. «Г-жа Сталь, – писал Фонвизин, – сказала, что в жизни народов, свободе во всех ее видах (политической, гражданской, личной) принадлежит законное право давности перед самодержавием... Эта мысль гениальной писательницы верна относительно европейского человечества и подтверждается древнею и даже среднею историей России, которая только в новейшее время (с Петра Великого) стала классической почвою самодержавия»⁴. Афоризм французской писательницы, одного из идеологов оппозиции абсолютистскому режиму, мог бы послужить эпиграфом к сочинению Эно и Шеншо. Фонви-

зин не только высоко оценил их труд, но и дополнил эту работу новыми фактами, оставшимися неизвестными французским авторам, не владевших русским языком. Декабрист изложил свои дополнения в развернутых примечания к их сочинению⁵. Впоследствии эти примечания были использованы в коллективном труде ссыльных декабристов, который они собирались опубликовать на Западе для разоблачения самодержавия⁶.

Разумеется, основополагающая идея книги была созвучна декабристскому мировоззрению. По мнению Эно, наибольший интерес в русской истории представляет ее императорский период, то есть начиная с XVIII века, когда в России царствовала вакханалия деспотизма. Но и до этого времени в России было много чрезвычайно интересного: «институты, в высшей степени свободные, зарождались, созревали, доминировали и затем гибли под топором деспотизма, не оставляя ни малейших следов». Свою задачу автор видел в том, чтобы «проследить одновременное развитие царской власти, аристократии, власти религиозной и свободы, их столкновения и борьбу»⁷. Конечно, желая на примере русской истории показать, что деспотизм имеет сравнительно более позднее происхождение, народная же свобода изначальна, Эно не мог не уделить особое внимание Новгороду. Но его работа не являлась академическим сочинением. Да и невозможно было бы ожидать иного от француза, не знавшего русского языка, пользовавшегося только опубликованными источниками и опиравшегося главным образом на фундаментальные труды своих авторитетных предшественников.

Основным источником Эно была «История государства Российского» Н.М. Карамзина во французском переводе Сен-Тома и Жофре⁸, а также сочинение его соотечественника П.Ш. Левека⁹. Левек владел русским языком, жил и работал в России, изучал источники на языке подлинника. Труд же Карамзина был издан во Франции в неполном виде. Многочисленные примечания, «интересные лишь для русских ученых», заменили краткими пояснениями, хотя обстоятельные сноски с цитатами из источников заключали в себе не меньшую ценность, чем основной текст, и открывали дополнительные возможности для дальнейших исследований. Поэтому, несмотря на повышенный интерес Эно к новгородской истории, в его работе нет неизвестных ранее фактов, извлеченных

из источников. Главное оружие Эно – оригинальное истолкование уже известного. По словам Фонвизина, «это скорее записки или комментарии на историю Карамзина, в которых, сравнивая его повествование с историей Левека, обличается слабость философского взгляда на события и недостаток логики в суждениях нашего историографа. Авторы доказывают, что там, где Карамзин разноречит с Левеком, Левек заслуживает более вероятия, представляя события естественнее, нежели как их представлял Карамзин, который судил об них и писал совсем превратно»¹⁰.

Определив суть политической «философии» автора «Историей России с древнейших времен», нетрудно догадаться, что ни тот ни другой его маститый предшественник не разделял его убеждений, и, следовательно, опираясь на их труды, как на свой главный источник фактических сведений, Эно не мог не критиковать их обоих с понятных позиций. Если Карамзин не относил труд Левека к «хорошей российской истории, написанной с философским умом»¹¹, то Эно еще сильнее мог упрекнуть своего соотечественника за недостаток философского и политического взгляда.

Естественно, политическая философия «Колумба российских древностей», провозгласившего самодержавие «палладиумом России»¹², была абсолютно неприемлема для противника деспотизма. По этой причине символ веры Карамзина – «Россия основывалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием»¹³ – для автора «Философской и политической истории России» был абсолютно неприемлем. Поэтому Эно считал необходимым не просто отвергнуть его, но и показать, что построения российского историографа не только не состоятельны, но по сути дела противоречат здравому смыслу. Для этого Эно умело противопоставлял Левека Карамзину. А там, где построения французского историка оказывались не созвучны его собственным мыслям и выглядели недостаточно убедительными, историк-публицист старался изобретательно опровергнуть и того и другого. При этом он опирался на политическую философию мадам де Сталь.

Проблему образования древнерусского государства Эно считал центральной и поэтому уделил ей много внимания. Естественно, он не мог разделить точку зрения Карамзина, согласно которой добровольное призвание варягов славянскими племенами, то есть «на-

чало Российской истории», представляет «удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай». Утверждение же русского историографа, что современное величие Российской империи своим величием обязано «счастливному введению Монархической власти»¹⁴, этот гимн самодержавию, не могло не вызвать резкого протеста со стороны человека, ставившего своей целью убедить читателя в том, что изначально свобода. Но и трактовка, предложенная Левеком, оказалась для Эно неприемлемой, хотя он ставил его выше Карамзина. Левек, как потом и Карамзин, сообщение Нестора о добровольном призвании варягов считал достоверным, однако с одной принципиальной поправкой: славяне призвали варягов не потому вовсе, что добровольно решили отдать себя их управлению, а по иным причинам. Славяне были обессилены внутренними распрями и сами не могли защитить себя от внешних врагов. Поэтому они были вынуждены искать покровительства у варягов. Варяги не составляли отдельного народа, а промышляли морским грабежом. Россы же были восточного происхождения. Сами славяне не смогли противостоять варягам-россам и рассчитывали посредством их защитить себя от нападения других народов. Призыв варягов как таковой не вызывал одобрения историка. С одной стороны, Левек полагал, что новгородцы, которых он именует республиканцами, управлялись сами собой, но не смогли быть вольными и «вольность свою употребили во зло», породив безначалие. То есть он осуждает слабость исходных демократических институтов у новгородцев. С другой же стороны, французский историк принципиально не одобрял и введение монархии в России. Призыв Рюрика и его братьев он рассматривал как неестественное перенесение чужеземной монархической власти к республиканскому народу. «Не свойственно идти к чужестранцам искать у них самодержцев». Когда новгородцы раскаялись в содеянном, и Вадим поднял мятеж, было уже поздно. «Горе тому народу, и горе тому человеку, – патетически восклицал Левек, – которые принуждены просить покровителей»¹⁵. Таким образом, в отличие от Карамзина, Левек не рассматривал введение монархической власти как проявление государственной мудрости новгородцев, но, напротив, трактовал его как добровольное признание ими своей слабости.

Чтобы дезавуировать построения своих предшественников, Эно прежде всего постарался выбить почву из-под их ног. Говоря современным языком, лишить их источниковедческой базы. Он усомнился в осведомленности Нестора, писавшего два с половиной столетия спустя о реальных событиях середины IX века. Вместе с тем Эно поставил под сомнение и объективность летописца. Но, по мнению французского историка, этот печерский монах исполнял политический заказ. Эно отметил, что Нестор ничего не знал ни о религии славян, ни о их святилищах, ни о храмах. Ничего неизвестно было ему и об обычаях древних славян, не знал он и о том, каковы были у них должностные лица. Нестор записал традицию, либо устную, как полагал Карамзин, либо письменную, как представлялось Левеку. Летописец сделал это в то время, когда князья и народ были заинтересованы в том, чтобы монархия возникла благодаря народному избранию. Кроме того, Нестор мог ошибаться. Ему нельзя верить, потому что его рассказ, по мнению Эно, противоречит здравому смыслу¹⁶.

Четыре племени добровольно призвали варягов, чтобы ими править. Карамзин называет такой факт «удивительным». И это в самом деле не может не вызывать удивления. Невероятно, чтобы на такой значительной территории, при господствующем там беспорядке и именно для того, чтобы этот беспорядок преодолеть, в правители избрали бы иностранца и притом врага. Совершенно невозможно, чтобы славянские племена единодушно согласились бы принять иностранную власть, которую они до того не знали. И все четыре племени захотели бы иметь у себя одних и тех же иностранцев, трех монархов для четырех стран, одного ведущего из них и притом признали бы главенство Новгорода. Это построение Нестора, по мнению Эно, опровергает самое себя.

Как такое единодушие, именно единодушие, а не простое большинство, могло сложиться? Как эти варварские племена могли отправить посольство, разве у них были выборы? – задается вопросом французский автор.

Карамзин превозносит это событие и объясняет его тем, что варяги мирно и справедливо управляли чуждой и славянами и брали у них умеренную дань. Эно убежден: такая мудрость и умерен-

ность у норманнов IX века была бы не меньшим «чудом», чем выборы у этих племен. Кратковременное пребывание норманнов у славян в 859 году не могло так быстро продвинуть их на пути цивилизации.

Если бояре, – рассуждает Эно, – потеряли свою власть благодаря норманнам и вызвали волнения, прекратившие первое завоевание 859 года, то те же бояре, столь влиятельные и ревнивые до власти, должны были бы сопротивляться варягам и бороться против варяжского пришествия, когда народы вопреки их сопротивлению согласились на избрание. Это тоже совершенно невероятная вещь. Если они хотели порядка, то довольно странно выглядит это желание для полудиких племен, которые думают только о свободе. Свобода же для них – это отсутствие всякой власти, потому что любая власть их стесняет. Нестор говорит о невозможности восстановить старые законы Новгорода, а разве Новгород до этого времени уже имел какое-то законодательство, вопрошает Эно. По его мнению, это недопустимые гипотезы. Нельзя наделять диких людей идеями и стремлениями, которые присущи цивилизованным народам.

Это камешек в огород Карамзина. Но достается и Левеку, хотя он, по мнению Эно, «более ясен и точен». Левек не может объяснить, почему три князя, то есть Рюрик, Синеус и Трувор, вынуждены были разделиться и удалиться из Новгорода, не оставив своей резиденции в столице. Либо они боялись мятежного духа своих новых поданных, либо эти поданные желали удалить князей из их резиденции, к доминированию которой они привыкли, или же они призвали варягов только для того, чтобы те защитили их границы. Ведь три брата обосновались на трех основных границах республики.

Если князья боялись мятежного духа своих поданных, то они должны были бы остаться в столице, чтобы легче было его сдерживать. Надо было бы использовать расположение умов во время выборов, чтобы их укротить или же истребить зачинщиков. Такая политика вполне соответствовала нравам варягов. Рассредоточиться означало бы ослабиться, а удалиться из столицы, значит, оставить ее мятежникам. Варяги это предвидели и пригласили с собой войско. Тем не менее они удалились из столицы. Следовательно, делает зак-

лючение Эно, варяги не были призваны, чтобы установить согласие, и еще менее для того, чтобы править страной. Если новгородцы хотели удалить их, чтобы не дать им возможности так властвовать, как новгородцы не привыкли, эти столь осмотрительные республиканцы постарались бы так устроить это господство, что оно имело единственной целью избавить их от привычных беспорядков. Но удаляя князей, они открывали путь к беспорядку, и если у князей было достаточно войска, чтобы с помощью военной силы войти в город во время мятежа, то у новгородцев ее было достаточно и для того, чтобы поддерживать порядок и не допустить мятеж.

Позиции, которые заняли три брата, дали основание Левеку заключить, что «мнимая республика» Новгород призвала их только для охраны границ. Таким образом, народное избрание не представлялось Левеку, проявившим себя во всех других случаях вполне вдумчивым исследователем, достаточно определенным.

Из этого рассуждения нетрудно вывести заключение, что Новгород не был способен защитить себя собственными силами даже против финского племени, ибо один из трех князей, по имени Синус, расположился на Белом Озере, которое тогда находилось на северном берегу одноименного озера. Какова же тогда была сила этой странной республики? – задался недоуменным вопросом Эно.

Другая трудность, по его мнению, заключается в том, что третий брат, Трувор, расположился в старом Изборске около Пскова, между кривичами и чудью. Он должен был защищать границы от чуди. Но они участвовали в избрании варягов и, следовательно, были составной частью нового государства. С другой стороны, оставая чудь между морем и самим собою, он не мог защитить их.

История этой эпохи показывает, что норманны не ждали, пока их позовут прийти в эту страну, чтобы обосноваться в ней как хозяевам. У них было достаточно воображения и силы. Они так же поступали с другими странами. Почему же они могли пренебречь страной, которая находилась так близко от них и которую было так легко завоевать? Все эти соображения привели Эно к заключению о том, что никакого призвания не было, а имело место завоевание. Речь шла о тех же народах, которых варяги покорили в 859 году; завоеватели были те же. Они прибыли со своими поданными, как выражается Левек, то есть с армией, согласно Ка-

рамзину, с большой свитой из скандинавов, готовых с оружием в руках защищать права новых правителей, то есть с вооруженной силой. Если же принять во внимание их военное превосходство, легко представить, насколько это завоевание было легким. Славяне, напуганные их первым появлением, не оказали никакого сопротивления.

Эта гипотеза, по мнению Эно, находит свое подтверждение в том, что происходило в других странах, где средства для защиты были более действенные. Когда норманны в 862 году пришли снова, их признали и подчинились им или бежали. У них было сильнее войско, продуманный план. Они покорили Новгород так, как хотели это сделать, потому что никто в этой стране не мог оказать сопротивление.

Левек утверждал, что Рюрик обосновался в Ладоге и окружил ее земляным валом. Карамзин считал, что это было сделано в самом Новгороде, не упоминая о мнении Левека. Эно же находил, что ничто не могло помешать Рюрику обосноваться там, где он находил нужным, окружить это место земляным валом и установить здесь свою резиденцию.

Другие доказательства того, что славяне были завоеваны, Эно видел в следующем. Армия состояла из варягов, они занимали все должности. Когда употреблялись другие войска, варяги были единственными, кому платили за службу, существовал варяжский налог. В течение двух веков варяги даже в Великом Новгороде вели себя как в завоеванной стране: грабили купцов, избивали мужчин, насиловали женщин и делали все это безнаказанно. Когда новгородцы восставали и устраивали резню варягов, князь заманивал наиболее именитых граждан в западню, чтобы отомстить за варягов. Новгородцев карали по приказу князя, в его дворе, на его глазах.

Немаловажно и то, что именно варяги-русь дали свое имя новому государству.

Все эти аргументы привели Эно к заключению, что концепцию народного избрания следует отвергнуть, а вывод о завоевании признать доказанным¹⁷.

По мнению автора, Русь принадлежала варягам как военная добыча. Эта территория стала патронимией. Согласно Г.Б. Мабли, такое начало монархии представляло собой наследственную коро-

левскую власть (*la royauté patrimoniale*). Правление варягов было сходно с правлением французских королей. Варяги образовали правящий класс. Завоеванные славяне стали крепостными (*les serfs*). Варяги не были народом, но армией завоевателей, размещенной на завоеванной территории, подчиняющейся приказам военачальника, который напоминал монарха. Постепенно они смешивались с местным населением и превратились в служащих военных, которые преобразовались в аристократию.

Эта аристократия, варяжская по рождению, стала смешанной, затем туземцы составили ее основную массу и образовали дворянство (*la nobles*)¹⁸. Монархическая власть усилилась. Обычай постепенно стал политическим законом, определяющим право наследования. Но он не был общественным договором (*le pacte social*) между князем, который в этом не нуждался, и народом, который мог стать нацией только после того, как достаточно сильная власть предоставляла ему свободу рук.

Именно с заключения такого «общественного договора», по мнению Эно, и начинается история государства Российского. Образование его он относит к началу XI века, к первым годам правления Ярослава Мудрого (*Yaroslav le Grand*), когда складывается Новгородская республика, а какие-либо современные упоминания о варягах навсегда исчезают из русской истории.

Хотя Левек называл Новгород до появления в нем варягов республикой, и Карамзин пользовался тем же термином, ни тот ни другой историк не привел в доказательство ни одного общественного института, который мог быть определен как республиканский. Поэтому определение Новгорода середины IX века как республики вызывает у Эно только иронию. По его мнению, Карамзин и Левек называют Новгород республикой только потому, что впоследствии он ею стал¹⁹. Действительно, в книге Левека процесс возникновения Новгородской республики не отражен. Она существует как бы изначально. Потом в лице варягов появляется монархическая власть. Она возникает из злоупотребления «защитниками» свои положением. Республиканские институты существуют сами по себе наряду с монархической властью.

У Карамзина, который, по понятным причинам, вовсе не был склонен акцентировать читательское внимание на существовании

республики в Новгороде, процесс ее законодательного оформления очерчен почти пунктирно. О важнейших вещах историограф говорит скороговоркой, едва ли не вполголоса и крайне противоречиво. Не упуская случая превознести монархические начала, Карамзин и оформление новгородских республиканских институтов трактует, прежде всего, как акт монаршей воли, благодеяние великого князя. Но при этом российский историограф никак не объясняет, что вызвало к жизни этот акт, в силу каких причин высшая власть оказала это благодеяние: пошла на утверждение принципов, в корне противоречащих основам монархической власти. При внимательном чтении «Истории государства Российского» это кричащее противоречие не могло не броситься в глаза.

В обзоре состояния древней России в момент смерти великого князя Владимира Карамзин писал: «Слова Новгородцев и союзных с ними народов, переданные нам летописцем: “Хотим Князя, да владеет и правит нами по закону”, были основанием первого устава государственного в России, то есть Монархического»²⁰.

Но народ славянский, хотя и покорился варяжским князьям, но все же «сохранил некоторые обыкновенные вольности». В важных делах или когда государству угрожала опасность народ сходился «на общий совет» – вече, где рассуждал, «что им делать». «Сии народные собрания были древним обыкновением в городах Российских, доказывали участие граждан в управлении и могли давать им смелость, неизвестную в державах строгого, неограниченного Единовластья»²¹. Завершая обзор правления Ярослава Мудрого, Карамзин заметил, между прочим, что этот князь, «признательный» «к усердию» новгородцев «дал им многие выгоды и права. Князья Новгородские следующих веков должны были клясться гражданам в точном соблюдении его *льготных грамот*, к сожалению истребленных временем»²².

В примечании, опущенном во французском издании, Карамзин процитировал новгородскую летопись, где говорилось о том, что князь Михаил целовал крест «на всей воле Новгородской и на всех грамотах Ярославлих»²³. Рассказывая о борьбе Андрея Боголюбского с Новгородом в третьей четверти XII века, Карамзин процитировал летопись, еще раз упомянул о том, что Ярослав Ве-

ликий, желая изъявить новгородцам вечную благодарность за их усердие, даровал им свободу *избирать* себе князей из его достойнейших потомков»²⁴.

Очевидно, вывод историографа о добровольном даровании Ярославом льгот и преимуществ Новгороду в XI веке был сделан на основании истолкования этого события летописцами более позднего времени, и он вполне отвечал идеологическим установкам Карамзина.

Естественно, Эно не мог не обнаружить слабые места концепции Карамзина, они лежали на поверхности. Отталкиваясь от этих скудных данных, французский автор выстроил собственную схему возникновения новгородской независимости и нарисовал широко масштабное полотно складывания Новгородской республики.

Разумеется, он сделал это, исходя из собственных политических симпатий и предпочтений. Поэтому его концепция не могла не отличаться принципиально от представлений Карамзина.

В отличие от труда российского историографа, в построениях Эно Новгородская республика возникает не по воле монарха, соизволившего облагодетельствовать свой народ за усердие, но является уступкой в целях защиты от поползновений деспотизма, вырванной самим народом у верховного носителя власти в момент ее слабости.

Согласно Эно, это произошло так. В момент смерти Владимира в 1014 году на великокняжеский престол претендовали три его сына: Ярослав с варягами и новгородцами, Святополк и Борис. Их права были бы совершенно равными. Они вытекали из завоевания, наследования и владения. Но в действительности же в стране не было ни законов, ни принципов, ни обычаев, регламентирующих права на престол²⁵.

Святополк впервые собрал народ в Киеве, чтобы провозгласить себя монархом. Следует отметить, что Эно подчеркнул условность этого термина, равно как и слов «монарх», «престол», «народ», «нация». В отличие от своих предшественников, француз уделил особо пристальное внимание феномену народных собраний. По словам Эно, собираться и заявлять о своих нуждах – это естественный обычай человека дикого и варварского. Деспотизм

же боится всего. Цивилизация, которая калечит и извращает все естественное, этот обычай упразднила. Но повсюду он должен был предшествовать цивилизации и деспотизму. Дикари Америки и Африки, не переставая быть дикими, обсуждали на общих сходках вопросы войны, охоты, перемещения племени. Такой же обычай был и у славян. У варягов, их завоевателей, не было политических причин опасаться этого. Не имея административной системы, варяги могли действовать только вооруженной силой. Но их было мало. Они не могли присутствовать на всей территории. Варягов волновал только сбор налогов. Они видели эти народные собрания славян, как они видели их и в Скандинавии. И эти сходки народа не должны были внушать им опасений. Это было естественно и соответствовало человеческой природе. Варяги и не думали их запрещать, да и не могли сделать этого. Без их помощи варяги не могли осуществить распределение налогов. При этом порядке вещей магистраты появились естественно и незаметно.

Неизвестно, как у варварских народов возникают эти институты. Их замечают, когда она уже окрепли и уже готовы сопротивляться. История начинает замечать их на политической сцене, когда они становятся сильными. Но она говорит о них как уже существующих. Неизвестно, как развивались эти собрания с начала завоевания и до этой эпохи. Понятно, они начались с собрания дикарей. Но неизвестно, что они представляли собой в момент смерти великого князя Владимира. Возможно волнения, которые начались тогда, когда утверждали нового князя, укрепили значение народных собраний и позволили утвердить хартию. Обычно праву предшествует факт, который создает и освещает обычай. Сила превращает обычай в право и создает из него принцип²⁶.

В Киеве такие собрания существовали с незапамятных времен. Святополк решил созвать собрание народа, потому что ему нужны были войны для борьбы за престол. Захватив казну, он, по сути дела, подкупил киевлян и приобрел воинов для борьбы с братьями. Киев избрал монарха по собственным соображениям. Это стало возможным потому, что права князей не были регламентированы. Благодаря этому Киев расширил свои права. Другие города последовали этому примеру, но ни один из них, даже Киев, который

получил и защитил звание республики, не расширял их настолько, как Новгород. Дух, формы и институты у Новгорода были в полном смысле слова республиканские.

В конце правления Владимира его сын, новгородский князь Ярослав, отказался подчиняться отцу, объявил себя независимым от великого князя и отказался платить ему дань. В 1014 году, чтобы противостоять Владимиру, Ярослав призвал в Новгород варягов из-за моря.

Варяги вели себя как завоеватели в завоеванной стране. Экцессы, вызванные их бесчинствами, породили у новгородцев энергичное стремление к сопротивлению. Новгородцы перебили варягов. Ярослав потребовал зачинщиков к себе на двор и там казнил. На следующий день он узнал о том, что его отец Владимир неожиданно умер под Киевом, а брат Святополк, провозглашенный киевским князем, убил Бориса и готовит ему ту же участь. В этой ситуации Ярослав решил обратиться к новгородцам на собрании народа. Новгородцев было 40 тысяч. Варягов же – только тысяча. Новгородцы были в состоянии справиться с варягами. Жители Новгорода собрались и публично обсудили дело. Князь был вынужден вверить им свою жизнь и судьбу. Новгородцы проявили великодушные, они превосходили варягов в 40 раз. Этого оказалось достаточным для того, чтоб отобрать корону от Святополка и отдать ее Ярославу. Мужество и многочисленность новгородцев предопределили их победу.

По мнению Эно, эти события свидетельствовали о том, что русский народ, или, по крайней мере, новгородцы, уже созрели для самостоятельного существования. Они имели дух и разум быть у себя хозяевами. С этого времени преобладание варягов идет на убыль, и скоро о них перестают упоминать вовсе. С этого момента в России, убежден французский автор, завоевание варягов прекращается, и начинается эра республиканская.

Если Карамзин считал удивительным единодушное призвание варягов в 862 году и годом этого призвания датировал образование Государства Российского, то Эно с этим категорически не соглашался. Французский историк находил гораздо более удивительным единодушное решение новгородского народного собрания поддержать Ярослава в борьбе за престол в 1014 году. И со време-

ни правления Ярослава Мудрого, то есть в период 1019–1054 годов Эно начинал отсчитывать годы существования самостоятельного Российского государства²⁷.

Дальнейшее Эно представил таким образом. Ярослав победил Святополка. Новгородцы вернулись к своим делам. Все в России забродило. Взошли прежние зерна. Распри князей способствовали завоеваниям народа. Свобода оказывалась более сильной и устраивала все лучше, чем претенденты на престол. Общество заявило о себе и само устроило свою участь. А королевская власть получила от него легитимный титул. Святополк был избранным народным собранием государем, и следовательно, легитимным для Киева. Так не существовало ни закона, ни установленного обычая, королевская власть была получена исключительно благодаря народному избранию. Но он был избран только Киевом. Новгородское народное собрание было в большей степени великодушным, киевское же более практичным. Один из этих городов должен был распространить свое избрание на другой. Киев являлся резиденцией князя. Новгород был его первой резиденцией, и он хотел ее возвратить. Вопрос был решен в пользу Ярослава. Ярослав был желанным в Новгороде, но в Киеве он правил как завоеватель, как его предки правили во всей Руси. У его предшественников не было права избрания. Во время этих гражданских войн одновременно родился общественный порядок, достоинство (*la dignité*) народа и легитимность князя. Однако поддержка Новгорода стоила Ярославу *charte constitutionnelle*, то есть уставной грамоты или конституции. Точная дата появления этого важнейшего документа неизвестна. Князь не мог отказаться от хартии. Она была в высшей степени либеральной, потому что Новгород, который сам ее продиктовал князю, был охвачен республиканским духом²⁸. Впоследствии, когда этот дух развился и стал стремиться создавать демократические институты, Новгород легко нашел в этой ярославовой хартии положения, которые их утверждали. Те же причины, которые вызвали эту хартию к жизни, дали городу возможность истолковать ее по своему усмотрению. Начиная с правления Ярослава, Новгород заслуживает имя республики.

Ярослав стал законным монархом (*le Roi*) благодаря выбору Новгорода, где его власть была сведена на нет его собственной

грамотой, где народ значил все. В Киеве он был монархом по праву завоевания, там его власть была более обширной. Но Ярослав был изгнан из Киева поляками. Он вернулся в Новгород, хотел собрать армию из варягов. Но новгородцы поняли, что они будут снова завоеваны, и у них не будет ни прав, ни надежды на лучшее. Они приняли героическое решение: разбили лодки Ярослава, приготовленные для отъезда, и выразили желание биться с польским королем Болеславом. Более того, новгородцы предложили свои деньги Ярославу для вооружения. Варяги же в этой ситуации были лишь вспомогательным войском²⁹. Новгород являлся городом ремесленников и торговцев. Чтобы вырвать уступки, их должно было быть много и они представляли собой определенную силу. В спасении и возвышении князя участвовало почти все население Новгорода. После этого оно должно было требовать свободы и добиться ее.

В старых монархиях успех такой революции был бы чудом, так как среди так называемых республиканцев есть много претендентов на различного рода привилегии, несовместимые с общественной свободой. Это порождает революционеров (*les regeneateurs*) вроде Робеспьера и Марата. Они призывают отрубить много голов, чтобы взрыхлить почву, хотя и не кровожадны от природы. Им достаточно сказать себе: вот цель, вперед, преодолевайте все препятствия. Они проливают много крови, но не в состоянии переделать общественный дух и народное право. Они возмущают нацию, перед тем как ее пересоздать, ибо чтобы это сделать, необходимо ее полностью уничтожить и принести в жертву даже своих сторонников, которые спешили оправдаться или приостановиться и готовы принести в будущем в жертву своих руководителей, когда те потеряют значение. Но в Новгороде было не так. Вчера новгородцы были дикарями, сегодня – крепостными (*les serve*), они захотели быть свободными завтра и добились этого. Все это удалось благодаря грубости и простоте их нравов. К этому следует прибавить еще и политический инстинкт. Среди них не было ни маркизов по рождению, ни маркизов по имени, ни маркизов по привычке и духу, но только грузные торговцы. Их было еще слишком мало, чтобы составить отдельное сословие, но они уже были сильно заинтересованы в установлении республиканского режима. Они хорошо пони-

мали, что в том случае, если он падет, вернется аристократия и деспотизм. Поэтому все жители Новгорода должны были желать республику, так как при такой форме правления они ничего не теряли, но приобретали многое. Начиная с этого времени, они отстаивали свою свободу точно таким же путем, каким и получили ее³⁰.

Привилегии свободного человека означили право делать по собственному усмотрению то, что закон не запрещает. Но самая важная привилегия состояла в том, чтобы в случае обвинения быть судимым своими согражданами. Институт суда присяжных зародился в Дании в VIII веке, а потом, с некоторым опозданием, пришел и в республиканский город. В Новгороде суд присяжных являлся дополнением к кодексу Ярослава – «Русской Правде». Злоупотребление судей, назначенных князем, заставили свободных людей обратиться к суду присяжных. Они проявили при этом и настойчивость, и твердость. Князь же и его подчиненные испытывали сильное отвращение к такому институту. Но им был хорошо знаком дух Новгорода, они нуждались в его силах и поэтому не осмелились отказать. Иначе суд выглядел бы абсурдно. Несомненно, это была уступка княжеской власти, но когда она имела место, осталось неизвестным. По всей видимости, получение грамоты и суда присяжных датируется одним временем. Ведь невозможно допустить, чтобы Новгород не позаботился принять законоположение о проступках и преступлениях князя и его агентов, так как это было сделано относительно простых граждан. Когда народ освобождается от рабства и основывает свободу, он всегда боится сделать слишком мало и поступать чересчур медленно. Надо было подчинить князя закону. Ему дали власть и престол, но могли и забрать их, чтобы князь снова не обратил бы народ в рабство. Обычно так рассуждают варвары. Но так должны были рассуждать и новгородцы, одушевленные республиканским духом. Новгороду было гораздо легче привести в действие это изменение, нежели его выдумать. Нетрудно было окружить власть почетом и подчинить ее народной силе. Роль присяжных выполняло народное собрание. Народ становился большим присяжным. Судья и его партия были на стороне народа. Именно в Новгороде в эту эпоху должна была бы родиться всеобщая истина: «Короли сотворены для народов, а не народы для королей»³¹. Новгородцы должны

были собраться на народное собрание и сказать: «Кто же кроме самого народа может лучше знать, подходит ли правящий князь управляемому народу?».

Такова была гипотеза Эно, который полагал, что она согласуется с естественным ходом вещей. Стечение чрезвычайных обстоятельства, возникших в результате неожиданной смерти Владимира, и республиканский дух Новгорода должны были предопределить именно такое течение событий. Вся последующая история Новгорода, по мнению Эно, подтверждает, что именно так все и должно было произойти. Исследователь задался вопросом о том, являлась ли конституционная хартия приложением к «Русской Правде» или же это был вполне самостоятельный документ, вырванный у власти народом? Если Новгород не имел особой хартии, она могла основываться на кодексе, имевшем республиканские тенденции. Как бы то ни было Новгород добился того, что его независимость была основана на законном (*le titre*) праве, которое великий князь был вынужден признать в то время, когда народ, считая себя достаточно сильным, оспаривал его прерогативы. В дальнейшем Новгород всегда ссылался на это право, даже тогда, когда неблагоприятные обстоятельства заставляли его отступать. Потребовалось дважды уничтожить почти все население Новгорода, переселить тех, кто остался, и заселить его другими семьями, чтобы убить его республиканский дух, которым он был одушевлен до последнего вздоха. Чтобы успокоить деспотизм, необходимо было увезти колокол, как будто боялись, что звук этого республиканского колокола может воскресить всех тех, кого недавно зарезали, а они возьмутся за оружие и снова завоюют свободу.

Кодекс Ярослава был создан не только для Новгорода. Его должны были распространить и на другие территории, но ни одна из них не применяла его. Подобно Спартаку, новгородцы старались выковывать свой меч из цепей, другие же из мечей выковывывали для себя цепи³².

Престол тяготел к деспотизму. Народ – к свободе. Но народ тянулся к свободе сильнее, чем престол к деспотизму. Однако нация была разделена на разрозненные города, они не умели объединиться в лигу. Каждый заботился только о себе. Но наличие одно-

го города, составившего значительную массу, думающую и рассуждающую, было достаточно для того, чтобы начать войну или заключить мир.

Княжеская власть, в большей степени разделенная, представляла собой силу менее компактную, чем нация. Каждый князь хотел быть независимым, подчинить или свергнуть другого. Отсюда происходили гражданские войны. Каждый князь нуждался в людских резервах и деньгах городов, предавал претензии своих отцов, чтобы быть принятым. Благодаря войнам князей друг с другом развивались муниципальные учреждения. Если не нашли той важной бумаги, где бы грамота была зафиксирована как добавление к «Русской Правде», то только потому, что Новгород дважды был разрушен Иваном III и Иваном IV – деспотами, ненавидевшими эту хартию. Новгородцы умели использовать благоприятные обстоятельства, и Ярослав не мог отказать им. Новгород должен был истребовать документ, необходимый для обеспечения их независимости, и получить его. Последующие споры Новгорода и князей, язык, употреблявшийся в ходе этих дебатов, наконец, поступки тех и других позволяют назвать этот кодекс Новгородской хартией. Она могла быть в нескольких строках, содержать определения, принятые в XI веке, сформулирована по-иному, нежели вынужденная уступка конституционной хартии городу, возмущенному притеснениями, более сильному, чем его князь, и сохраняющему ему жизнь и престол. Нет ничего более естественного, чем представление, как граждане говорят князю: «Ваши солдаты нас грабили, калечили, унижали, мы желаем, чтобы вы дали нам гарантии, актом вами подписанным, что эти ужасы не возобновятся, ваши офицеры нас тиранили, обещайте, что вы их обуздаете. Вы нам отказывали в правосудии, обещайте оказывать его нам всегда. Признайте вы сами, за вас и ваших потомков наше право изгонять и заменять князей, которые нарушат это соглашение. В противном случае, вы получите то, чего заслуживаете»³³.

Такова история древнего Новгорода, представленная на страницах книги Эно. Его сочинение оказалось едва ли не единственным памятником того, как история этого древнерусского города в напряженной атмосфере накануне Июльской революции явилась своеобразным средством в политической борьбе во Франции вто-

рой четверти XIX века. Оригинально интерпретируя российскую историю, Эно сумел высказаться по острому для французского общества вопросу о наиболее целесообразной форме правления. Не случайно параллели с Францией пронизывают его книгу. Рюрика после убийства Вадима он уподобляет Хлодвигу. Владимира Красное Солнышко сравнивает с Карлом Великим, но это сравнение оказывается не в пользу киевского князя. Эно пускается в длинное рассуждение о том, что сделал бы Карл, окажись он на месте Владимира. По мнению Эно, отцу Ярослава Мудрого следовало бы установить в высшей степени либеральное представительное правление и конституционную монархию, основанную на вечных основаниях мудрой свободы. Этим он открыл бы благородный путь, которым нация могла бы идти после него, руководствуясь возвышенными побуждениями. Он указал бы народу на его достоинство и его права. Народ мог бы сохранить эти права, потому что, встав на этот путь, повзрослел бы и даже, может быть, добился еще большего³⁴.

Эно горько упрекает киевского князя за то, что он этого не сделал и упустил исторический шанс облагодетельствовать свою страну. Очевидно, Эно был противником разрушительных революций, таких как французская конца XVIII века. Но он не мог не одобрять новгородскую «революцию» начала XI столетия, совершенную не аристократией, а простыми торговцами и ремесленниками, вынужденными защищать себя от поползновений деспотизма. Революции в Новгороде, подчеркивал Эно, происходили из-за тирании князей и из-за необходимости защитить свои права законами. Апологеты монархической власти должны обвинять не народ за то, что он производит революции, а тиранов, которые вызывают месть народа³⁵. Это и есть тот философский и политический урок, который Эно хотел преподать своим читателям. Но для этого французскому автору пришлось сильно модернизировать историю Новгорода, чтобы придать ей современное звучание. Но наряду с этим была другая причина, побудившая Эно встать на путь модернизации Новгородской республики. Он стремился воздействовать на французское общественное мнение с помощью так называемой «русской угрозы», запугать общество тенью российского деспотизма, якобы уже нависшего над Европой. «История России, – пи-

сал Эно в предисловии к книге, – станет, без сомнения, и возможно, очень скоро, историей хозяев мира. Если европейское благодушие позволит им утвердиться на Средиземном море, или, что ведет к тому же, обеспечить себе свободный проход через Дарданеллы, то они вырвут трезубец из рук Англии и кнут воцарится над одичавшим миром»³⁶. Другими словами, автор хотел сказать, что рост внешнеполитического влияния России представляет реальную угрозу мировой цивилизации.

Книга Эно вышла из печати в разгар русско-турецкой войны, когда Франция была обеспокоена ростом влияния России в Среднеземноморье. Свою же задачу автор видел в том, чтобы на исторических примерах доказать, что Россия – это классическая страна деспотизма. Хотя самодержавие и пытается выступать как освободитель народов (недаром в «Предисловии» упоминалась Греция и Польша), в действительности российский деспотизм, какую бы маску он на себя не надевал, является могильщиком свободы, потому что он несовместим с ней. При этом автор нечувствительно старался провести мысль о том, что чем свободнее и демократичнее были институты, которые поглотил и уничтожил деспотизм, тем российское самодержавие опаснее для «благодушной», то есть недостаточно бдительной, либеральной Европы. Иначе говоря, для обличения российского самодержавия автору было необходимо показать русскую свободу «во всей ее красе» и даже чуть больше: с некоторыми «прикрасами». Поэтому этой «свободе» необходимо было придать некие европейские черты, чтобы было понятнее: самодержавие, похоронив свободу в России, не может не сделать этого и в Европе, ведь оно несовместимо с либеральными институтами. Но для того, чтобы обличить деспотизм российского самодержавия, «под топором» которого погибла Новгородская республика, необходимо было придать ей европейское лицо, чтобы она могла вызвать не только симпатии у европейского читателя к чему-то родственному, но и чувство сострадания от утраты чего-то очень близкого. Это означало, что история древнего Новгорода неизбежно будет модернизирована, ведь навести «железной рукой» порядок у себя в доме – это одно, и совсем другое – уничтожить независимое государство, пользующееся свободной конституцией.

Учитывая все это, нетрудно понять, что книга Эно – это политический памфлет, замаскированный под научное историческое исследование. Но он сыграл немаловажную роль в формировании представлений французского общества о древнем Новгороде.

¹ *Esneaux J., Chennechot I.-L.* Histoire philosophique et politique de la Russie depuis des temps les plus reculés jusqu'à nos jours. T. I–V. Paris, 1828–1830.

² *Op. cit.* T. I. Paris, 1828. P. IV.

³ *Stall J.V.* Consideration sur les principaux événements de la révolution française. T. 1. Paris, 1818. P. 17–18. М.А. Фонвизин не совсем точно по памяти процитировал этот афоризм: «С'est le despotism qui est nouveaux, et la liberté qui est ancienne».

⁴ *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Т. II. С. 107.

⁵ Там же. С. 105–199.

⁶ *Сафонов М.М.* Неизвестный Лунин: Потаенные планы декабристов в Сибири. Иркутск, 1993. С. 84–106.

⁷ *Esneaux J., Chennechot I.-L.* Histoire philosophique et politique de la Russie depuis des temps les plus reculés jusqu'à nos jours. T. I. P. III.

⁸ *Karemsin N.M.* Histoire de l'Empire de Russie. Traduit par MM. St. Thomas et Jauffret. Paris, 1819–1826. T. 1–11.

⁹ *Levesque P.* Histoire de la Russie. T. I–VI. Yverdon, 1783.

¹⁰ *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма... Т. II. С. 106.

¹¹ *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 252.

¹² Там же. С. 105.

¹³ *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 22.

¹⁴ *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. I. М., 1989. С. 93

¹⁵ *Levesque P.* Histoire de la Russie. T. I. P. 60–81; *Левек П.-Ш.* Российская история. Т. I. М., 1787. С. 64–86.

¹⁶ *Esneaux J.* Histoire philosophique et politique de Russie des temps reculés jusqu'à nos jours. T. I. P. 46.

¹⁷ *Op. cit.* P. 62–72.

¹⁸ *Op. cit.* P. 123.

¹⁹ *Op. cit.* P. 53.

²⁰ Переводчик так передал этот фрагмент: «Les paroles des Novgorodiens et de leurs alliés, que Nestor nous a transmis, nous voulons un princes qui nous comunele et nous gouverne selon les lois, furent la base de la premières constitutiin en Russie, c'est dire de la monarchie». (*Karàmsin N.M.* Histoire de l'Empire de Russie. Traduit par MM. St. Thomas et Jauffret. Paris, 1819. T. I. P. 292) .

²¹ *Карамзин Н.М.* История Государства Российского... Т. I. С. 163, 164.

²² Там же. Т. II–III. М., 1991. С. 27. Переводчик так перевел этот пассаж: «...mais pour récompencer ensuit du zèle qu'ils montrent pour son services,

il leur accorda plusieurs immunités et privilèges. Dans les siècles suivants, les princes de Novgorod étaient obligés de s'engager par serment, envers les citoyens, à conserver dans leur intégrité, les lois qui les protègent, et que le temps a fini par détruire». (*Karamzin N.M.* Histoire de l'Empire de Russie... T. 2. P. 45) .

²³ *Karamzin H.M.* История Государства Российского. Т. II–III. С. 212.

²⁴ Там же. С. 360, 516.

²⁵ *Esneaux J.* Histoire philosophique et politique de Russie des temps reculés jusqu'à nos jours. T. I. Д. 129–132.

²⁶ Op. cit. P. 138.

²⁷ Op. cit. P. 164.

²⁸ Op. cit. P. 150–152.

²⁹ Op. cit. P. 154.

³⁰ Op. cit. P. 196.

³¹ Op. cit. P. 221.

³² Op. cit. P. 222–223.

³³ Op. cit. P. 239.

³⁴ Op. cit. P. 73, 78, 135.

³⁵ Op. cit. T. II. Paris, 1828. P. 294.

³⁶ Op. cit. P. III.